

Голос
поколения
90-х

Обстоятельства быта

Светлана Чехонадская

Роман о поиске себя

Светлана Чехонадская

Обстоятельства быта

«Автор»

2026

Чехонадская С. А.

Обстоятельства быта / С. А. Чехонадская — «Автор», 2026

Героиня этой истории считает себя неудачницей. Она немолодая мать-одиночка, учительница начальных классов в провинциальном городе. Пытаясь понять причины неудач, она вспоминает свою жизнь в Москве девяностых годов. Обвиняя обстоятельства быта, женщина не замечает, что счастье рядом.

© Чехонадская С. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая.	5
Глава вторая.	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Светлана Чехонадская

Обстоятельства быта

Глава первая.

«...любви, переполняющей мир».

Это последние слова произведения, которое я написала в возрасте четырнадцати лет и которое рассказывало о трех днях из моей жизни.

Единственный читатель этого короткого рассказика — мой дворовый друг и воздыхатель Олег Семенов — плакал над его строками, что, конечно, ничего не значит, точнее, ничего не доказывает относительно литературных качеств моей почти первой работы.

В возрасте шестнадцати я спрятала тетрадь с рассказом в глубину письменного стола, а через год уехала в Москву поступать в институт. Я туда поступила и стала ездить домой лишь на каникулы.

В двадцать лет я залезла в письменный стол и в его глубине нашла свою тетрадь. Я не стала перечитывать рассказ. Тогда мне казалось, что я помню содержание наизусть и, кроме того, оно не достойно ностальгии. Немного поразмыслив, я порвала тетрадь с рассказом и выбросила ее в мусорное ведро.

Когда мне исполнилось двадцать пять, я начисто забыла, о чем же рассказывала эта тетрадь. Я лишь предполагала, что это был рассказ о любви. По-моему, он был навеян сном, но это не точно.

После тридцати мысль об утраченном рассказе стала нестерпимой. Жизнь сделала из меня неудачницу. Я превратилась в толстую мать двух дочек, разведенку и учительницу младших классов в городе Ессентуки. Мне стало казаться, что единственное значительное, случившееся в моей судьбе — это тот сон и та тетрадь, а также тот поступок в двадцать лет, когда я выбросила сон и тетрадь в мусорное ведро. С тех пор, кстати, во мне поселилась мания не выбрасывать ничего, что было бы написано или напечатано на бумаге.

В двух комнатах малосемейного общежития, в которых я проживаю с двумя своими дочками и в которых, конечно же, тесно, так как у нас нет кухни, точнее, под нее переоборудован коридорчик, так что нет, скорее, коридорчика, но количество метров от этого не меняется — тридцать, меньше, чем мне лет, очень мало — так вот, в этой так называемой квартире живут со мной и моими дочками различные листы бумаги, старые автобусные билетки, проездные на электричку до Пятигорска и Минеральных Вод, счета за все годы проживания, продуктовые карточки конца восьмидесятых и два непонадобившихся иностранных паспорта, которые я завила в периоды Больших Надежд.

По моим шкафам натолкано много других дурацких бумажек, они постоянно выпадают из ящиков, тараканы покрывают их мелкими коричневыми точками, взрослеющие дочери глядят на меня с ненавистью — они стыдятся матери — но я, понимая все это, тем не менее, не выбрасываю ничего бумажного, словно бы мстя себе за то, что однажды выбросила стопочку единственно нужных бумаг.

Пыталась ли я восстановить текст? — спросите вы. Еще месяц назад я не знала бы, что ответить. Нашедшая на меня амнезия являлась настолько нетипичной и избирательной, что делала попытки восстановления не только безуспешными, но и опасными. С двадцати пяти лет я не помнила содержания рассказа, не помнила его главной идеи, тех посылов, которые привели к финальному выводу, не помнила ничего из того, что предшествовало единственной уцелевшей в памяти фразе и что заставило мальчика Олега Семенова плакать над двумя последними страницами тетрадки (а это помнила!). Но главное, и это ужаснее всего, я не помнила, хорош

ли был этот рассказ, талантлив ли он был, поэтому попытка восстановить его могла привести меня к чудовищному разочарованию.

Дело в том, что с шестнадцати лет я ничего не писала. Мне казалось — из-за отсутствия свободного времени. Я училась в Педагогическом, работала на радио и пыталась выйти замуж за своего шефа; не только потому, что мне нужна была московская прописка, но и потому, что любила его.

В Москве я прожила четырнадцать библейских лет — семь сытых и семь голодных, начавшихся не как голодные, да и продолжавшихся вроде бы как нормальные, но так неуклонно и с каждым днем ухудшавших мое положение, что к себе в Ессентуки я приехала полным банкротом. А еще говорят, что из Москвы не возвращаются, что радио не отпускает, а профессию журналиста невозможно бросить. Все возможно в этом мире, скажу я вам. «Все может случиться с человеком». Это уже Гоголь.

На радио я, собственно, попала случайно: подруга привела. Она училась со мной на детского психолога, но школу ненавидела и город свой — Междуреченск — ненавидела. Пыталась зацепиться в Москве. Каким-то образом она раскопала эту радиостанцию — «Привет» — ее никто и никогда не слышал. Потом, когда я уже работала там корреспондентом, эта радиостанция по-прежнему не ловилась ни на российские, ни на импортные приемники, а мой хороший знакомый — КГБ-эшник — говорил мне, смеясь, что у них в специальном зале стоит специальное мощнейшее оборудование, оно позволяет слушать все радиостанции земли, а в ясную погоду с помощью этого оборудования КГБ-эшники, якобы, слушают, как молятся перед сном космонавты на орбитальной станции «Мир».

«А твой «Привет», — веселился он, — я не могу поймать даже на это оборудование!»

Самое интересное, что сидели мы в Останкино и звонков в прямой эфир у нас было немало. Проработав там с год, я стала запоминать голоса звонивших и постепенно поняла, что ловили нас две улицы в Северном округе Москвы. Это и была наша аудитория. Нас содержала какая-то партия коммунистического толка, и все это было возможно в начале девяностых, когда современное радио только-только становилось на ноги. Потом народ сообразил, что иметь радиостанцию — выгодное дело, и нас начали давить.

С давящими я была абсолютно согласна, но согласие мое было трагичного оттенка. К тому моменту я уже влюбилась в директора станции. Собственно, он-то наш «Привет» и развалил, но не со зла, а потому, что так был устроен. Он был балабол, а начало девяностых и было время балаболов. Он строил такие воздушные замки и так сажал их на песок без всякого фундамента, что из нынешних нулевых и уже очень серьезных лет вся его веселая завиральная болтовня кажется мне бредом сумасшедшего. Но какой-то коммунист-бизнесмен на этот бред купился и организовал «Привет» с балаболом во главе.

У моего будущего любимого было несколько талантов. Во-первых, он был гений разрушения. Начинал, правда, спокойно, со стандартных слов: «Как все запущено! Ну, ничего! Я научу вас работать!» Но затем завихрения вокруг него становились все сильнее, диаметр воронки, центром которой был он сам, расширялся, и предметы срывались с мест, дамы рыдали, приказы об увольнении сыпались, как снег, везде делался ремонт, для всего закупалось какое-то новое оборудование, большей частью не нужное, ну и так далее.

Я туда попала почти в самом начале. Мой будущий шеф и любовник уже напоминал небольшой торнадо, и в его кабинете сами собой падали стаканы, но все еще было мирно, все были живы. Когда начались настоящие перестановки, я уже спала с ним и от увольнений была частично застрахована, так что могла наблюдать развернувшиеся катаклизмы с хладнокровием телезрителя.

Мне, честно говоря, казалось, что такая энергия не может быть только разрушительной. В конце концов, на то, чтобы купить ненужное оборудование и на то, чтобы купить нужное, тратится одинаковое количество сил, времени и денег — следовательно, вскоре он, кроме дорогого

барахла, купит и дорогие микрофоны. Всех интриганов он немедленно выгонял — выгонял, собственно, и не только интриганов, а почти всех и постоянно, но безработные журналисты шли и шли за работой, и логично было принимать лучших из них.

Мой оптимизм был очень наивным. Один из уволенных звукорежиссеров — парень неплохой, но заика — сидя за последней чашкой кофе на первом этаже Останкино, посмеялся надо мной самым жестоким образом. «Д-да он бабки т-т-так зарабатывает!» — сказал он.

— Как так?

— Н-ну п-п-покупает у фирмы залежалый т-о-овар по супер-цене, а она ему за это от-к-к-ат дает.

— Что дает?

— Откат. Д-делится с ним п-п-прибылью!

В общем, вторым талантом моего шефа и любовника оказалось умение неплохо зарабатывать на создаваемом самим же хаосе. И это по тем временам было стандартное, не очень подлое качество. Но он был еще неумен, авторитарен и презирал своих сотрудников. Так мало, как зарабатывали у него, наверное, не зарабатывали нигде.

Он воровал, как накануне конца света, станция рушилась, доходов не давала, потому что прежде чем зарабатывать на рекламе, нужно было решить кучу созидательных вопросов: нормального вещания, хорошего качества техники, талантливых кадров. Люди приходили, соблазненные Останкино — всем казалось: заметят, пригласят. Кто-то пробивался: та моя подруга, что привела нас на «Привет», в итоге перешла на телевидение и сейчас работает на частном канале.

Большинство же были случайными и бездарными людьми, я в том числе. В нормальном творческом коллективе нас бы об этом проинформировали очень быстро — нашелся бы добрый человек, который бы сказал: «Ребята, вот вы же в медицину не лезете. Там надо что-то уметь... А здесь, думаете, не надо?»

Но на нашей радиостанции не было того, кто хоть немного разбирался в журналистике и мог оценить, кто для нее создан, а кто нет. Не было и добрых — о доброте я здесь говорю без всякой иронии, ведь мы потеряли на этом «Привете» несколько лет и даже опыта никакого не приобрели, потому что, по большому счету, не понимали, что делаем.

В конце концов, мой шеф и любовник догадался по косвенным признакам, что над его головой сгущаются тучи: коммунист-бизнесмен посуровел, стал больше интересоваться делами радио, сына своего сделал директором по коммерческим вопросам, в общем, запахло жареным. И что вы думаете? Шеф немедленно разыграл крупный скандал на политической почве.

«Вы хотите цензуры?! — кричал он на все Останкино оторопевшему хозяину. — Вы жаждете реванша?! Даже когда я работал в «Правде», мне так бесцеремонно не указывали, что я должен делать!»

«Коммунисты проклятые, — говорил он уже мне в постели. — Да пошли они в жопу! Слушай, наглые какие!» (накануне мы вместе обмывали его новый «Мерседес»).

Создаваемый на моих глазах миф об идеологических преследованиях был фундаментом нового хаоса и слабым ветерком нового тайфуна. Ушел он победителем, в его ненаписанной анкете отныне значилось: был активным руководителем, работал в Останкино, уволился из-за политических разногласий с коммунистами. Уже на следующий день его подобрали чиновники. Какому-то городскому крупняку понадобилась своя пресс-служба, и анкетные данные моего шефа подходили.

Правда, эти бюджетные ребята оказались более ушлыми: ремонт, конечно, начался сразу же, но все, от компьютеров до ковров, закупалось в фирмах, принадлежащих родственникам крупняка. Ну а проблема политических разногласий решилась очень просто: чтобы таковые

ни в коем случае не возникли в самый неудобный момент, моему любовнику было сказано: «Зарплата маленькая, зато если будешь хорошо работать, получишь от государства квартиру».

Квартиру он получил через два года, маленькую, как зарплата, и телефона в ней не было.

«Будешь хорошо работать...» — сказали ему, и так далее.

Но все это было уже без меня. Дело в том, что всех «Приветчиков» он уговорил уйти вслед за собой, из политической солидарности и ненависти к коммунистам (наверное, боялся, что про его художества станет известно новому руководству).

«Мы-то не пропадем! — сказал он нам, — а вот посмотрим, найдут ли эти гады себе холуев!»

Я же тогда оформляла свой первый заграничный паспорт — он пообещал свозить меня в Болгарию. Эта проклятая Болгария замкнула мой рот настолько, что даже когда он начал бегать от наших бывших сотрудников, я не сказала ему, что это непорядочно.

Господь обычно наказывает меня очень быстро, по горячим следам, и буквально через неделю мой бывший шеф стал бегать и от меня. За день до обещанной поездки он все-таки позвонил и грустно сказал, что денег совершенно нет, что теперь он в бюджетной организации, а там зарплаты сама знаешь какие, что если будет вакансия для меня, то он тут же, что он даже разгонит здесь всех специально ради наших отношений, которые хоть и кончились, но не свинья же он. Просто, все его нынешние подчиненные — родственники крупняка, и как-то неловко увольнять их сразу же, надо выждать для приличия.

Это была, конечно, ложь — у крупняка не было никакой необходимости устраивать на такие вшивые места своих родственников, но я промолчала, хоть и потратила на загранпаспорт последние накопления — естественно, с надеждой на последующую компенсацию: по отношению ко мне бывший шеф и любовник был относительно щедр.

Так я узнала, что наши отношения кончились.

Я осталась без денег, без работы и без мужика. Впрочем, мужик он был никудышный и держал любовницу, видимо, для приличия. Так что потеря работы ударила гораздо сильнее.

Прописки у меня по-прежнему не было, квартиру я снимала, и с квартирами мне, честно говоря, везло. Первый хозяин был сумасшедшим. Он постоянно порывался прыгнуть из окна — а окно было, не много и не мало, на двенадцатом этаже. Почему-то все его попытки оказались неудачными, хоть он и жил один, но после семнадцатого раза у его тетки — единственной родственницы — проснулась совесть, и она решила забрать племянника к себе, а квартиру сдать. Люди они были неискушенные и очень бедные, поэтому и с меня много не запросили.

Весь свой «Приветский» период я жила в этой квартире в Тушино на двенадцатом этаже. И вот после того, как я потеряла работу, любовь и все сбережения, в этой квартире мне стали являться видения. Какие-то тени клубились у окна, какие-то шорохи в углу будили по ночам, а однажды, наоборот, я не могла проснуться, скованная то ли сном, то ли ужасом, и так лежала в полном сознании до шести часов вечера.

За месяц такой жизни я уже и не очень-то боялась всей этой чертовщины, даже стала разглядывать и изучать то, что посещало квартиру. В один из вечеров я вдруг поняла, что это хозяйское безумие неуничтожимой пленкой покрывает ее стены, и надо было пережить несколько собственных личных трагедий, чтобы чувства обострились, а глаза стали видеть.

Самые неприятные тени и звуки жили у окна — туда, видимо, капал ужас с бедного сумасшедшего, пытавшегося выпрыгнуть от каких-то своих страхов, но не сумевшего преодолеть страх высоты, и так стоявшего часами. Я думала, что постепенно успокоюсь, и ненужная острота зрения и слуха покинет меня. Другую квартиру за сто долларов в те времена найти было нереально. Ста долларов, тем не менее, у меня не было, и когда за деньгами в очередной раз пришла тетка сумасшедшего, я, запинаясь и краснея, сказала, что сейчас у меня трудности и в следующий месяц обязательно. Она восприняла новость спокойно и покорно согласилась

подождать. Я пригласила ее на чай с ирисками, и мы долго сидели на кухне, глядя в окно и думая каждая о своих проблемах.

— Я понимаю, — вздохнув, произнесла тетка, — бывает, что так прижмет... Вот мой, например, он же не всегда таким был. У него была семья, была дочка, квартиру получили, машину собирались покупать... Потом жена от него ушла.

— Из-за его болезни?

— Нет, тогда он еще был здоров. У нее давно был любовник — начальник. Они много лет встречались, он-то и помог с квартирой. А потом овдовел, и они решили пожениться. Даже благородно поступили — квартиру эту оставили моему племяннику, а себе забрали деньги, накопленные на машину. И тогда так совпало, что его с работы уволили. Он служил инженером на «Эмитроне» — завод такой был на Нахимовском проспекте, они клапаны искусственные для сердца делали. Прекрасный завод, а его акционировали и развалили буквально за несколько месяцев. Все исчезло: станки, мебель, даже вся бухгалтерия. Трудовую книжку вот не может восстановить — ничего не осталось, никаких бумаг! Говорят, сожгли во дворе у второго цеха. Тут он, наверное, и тронулся. Стал говорить мне, что по квартире тени бродят, что он слышит какие-то звуки.

Я похолодела. Получалось, что не мой хозяин свел с ума квартиру, а наоборот, квартира сделала его сумасшедшим. Он тоже пережил трагедии, похожие на мои, стал, подобно мне, воспринимать дополнительные цвета спектра и увидел чужое безумие неизвестно какого возраста, ведь дому лет сто. А может, и не безумие это было, а просто страх, горе или тоска клубились вдоль стен, может, они шли снизу, пробивая все двенадцать этажей, образуя темные сухие коридоры в камне, кое-где выходя на поверхность. Этаже, скажем, на пятом, где живет семья наркоманов.

Может, источник этой непобедимой тоски был под домом, глубоко в земле, где триста пятьдесят лет назад во времена Тушинского вора кого-то закопали живьем. А может, эта печаль просачивалась с крыши, где в последнюю войну умерли и истлели два любивших друг друга бомжа, если таковые при Сталине были. В общем, надо сваливать, подумала я.

Я сбежала, не заплатив. А на следующий день встретилась со своим будущим мужем.

Этого человека я и раньше знала, по институту, знала также, что он был в меня влюблен, но мне и в голову не могло прийти, что можно пасть настолько низко, чтобы эту кандидатуру рассматривать всерьез. Это от него у меня двое детей. Все может стать с человеком...

Глава вторая.

Мой будущий муж к тому времени был челноком — он ездил в Таиланд за детскими костюмчиками (была и такая специализация). К моменту нашей встречи, когда я, как известно, оказалась без мужика, без работы, без денег и без квартиры, он уже неплохо зарабатывал и даже купил себе кожаную куртку. В этой куртке он мне и повстречался — просто повстречался в метро на следующий день после моего бегства с сумасшедшей квартиры.

Ночь я провела у знакомых по «Привету» — помню ужас в их глазах, когда я попросилась переночевать. Чтобы не сильно их пугать, я сказала, что нуждаюсь в ночлеге только сегодня, ну, может, еще завтра, пока гостят случайные родственники из Железноводска. Но вещей у меня было два чемодана, и мои бывшие сослуживцы заподозрили неладное: у нас на «Привете» ошивалось немало таких простых ребят, которые норовили у кого-нибудь поселиться. Их потом месяцами нельзя было выселить.

Я сама пару раз выгоняла непрошенных гостей — героев Афганской войны или просто свободных художников. Они приходили на редакционные сабантуи, где все угощение сводилось к разложенным на газете крупным кускам колбасы и самой дешевой — китайской — водке, и в конце вечера увязывались за тем, кто больше всех стеснялся послать их к черту. Посылать я научилась довольно быстро — сказались ессентукские нравы — и с тех пор делать это приходилось регулярно.

Иногда они смиренно принимали отказ предоставить ночлег и совершенно безропотно разворачивались уже у дверей моей съемной квартиры, но порою некоторые из них вдруг могли разбушеваться еще в Останкино. Это было связано, вероятно, с количеством выпитого. Нет ничего страшнее китайской водки, появившейся в первые годы перестройки. Я уж не знаю, как ее глотают, как ее осмеливаются проглотить — я не осилила даже этот этап, так что вполне верю, что, будучи проглоченной, она может сильно испортить характер.

Один из редакционных завсегдатаев — мы звали его «Старуха Изергиль», имея в виду романтика Данко — приходил и на сабантуи, и в промежутках между ними, постоянно пыривался поселиться у кого-нибудь из сотрудников или гостей Останкино. Был он бездомным, ютился в холле какого-то общежития, но и там лишь несколько дней в неделю, когда вахтером дежурил его однополчанин по Афганистану. Изергиль, по-видимому, не работал, потому что для тех развлечений, о которых он нам рассказывал, надо было иметь уйму свободного времени и совершенно не затуманенные житейскими заботами мозги.

Например, приходит этот Изергиль в разгар рабочего дня и, не здороваясь, говорит: «Я сегодня решил проверить, осталась в людях совесть или нет». Все тоскливо переглядываются — истории Изергиля, как правило, очень неинтересны.

— Ну и... — говорит самый жалостливый из нас.

— Не-а. Нет у людей совести, — смеется Изергиль.

Какая-нибудь новенькая из МГУ-шных не выдерживает и прыскает в кулак. Изергиль довольно на нее поглядывает: а что, если она смеется поощрительно и у нее можно будет перекантоваться денька два?

— Изергиль, у нас работы до фига, — говорю я.

— Да-да, я быстро. Я сегодня иду по проспекту Мира, долго иду, часов пять, и к каждому встречному обращаюсь с такой просьбой: «Товарищ, у меня тяжелое положение. Вы не могли бы дать тысяч сто?» Заметьте! Я приличный человек, не побирושка, и это видно, — («Не видно», — мысленно возражаю я) — Но ни одна сволочь из восьмисот семидесяти сволочей — я считал — не дала!

— А чего они должны тебе деньги давать? — спрашивает шеф. Он, кстати, любит такие истории, дешёвка.

— Они не должны, — говорит Изергиль медленно и поднимает палец, отмечая этим какую-то ему лишь слышную философию. — Я прошу, — Он молчит, глубокомысленно усмехаясь, потом обводит нас взглядом и повторяет, — Я ПРОШУ...

Так этот идиот развлекается по пять часов в день. Он считает, что его опыты исполнены глубокого смысла и каждая из его историй — маленькое философское эссе. Эдакое хокку: «Они не дают денег. Они не должны. Я ПРОШУ». И бесит меня вовсе не Изергиль — он сильно контужен и вечно голоден — бесят те, кто видят в этих его блужданиях изысканность.

Таких почитателей у Изергиля было немало. Но у них не поселишься — они еще более бездомны, чем он — одна его любовница вообще десять лет жила на кафедре мединститута, где работала лаборанткой. Приходила туда поздно вечером, доставала раскладушку. И не одна жила, с ребенком!!! К ней, точно, не поселишься. Так он решил поселиться у меня. Шел до остановки, пока я не сказала прямо, что к себе не пушу. «Хоть ПРОСИ, хоть не ПРОСИ», — добавила не без сарказма.

— Маленькое злобное существо с Кубани, — спокойно ответил он. — Знаю, о чем ты мечтаешь. Чтобы дом был полон банок!

— Каких банок? — Такого я даже от него не ожидала.

— Банок! — заорал он на всю остановку, — С вареньями и тушенкой! — после чего развернулся и убежал в сторону Останкино.

Изергиль ошибся. О доме, полном банок, мечтал мой муж, а не я. Мужа, как вы уже знаете, я встретила в метро. Была я в тот момент чрезвычайно задумчива — от знакомых надо было съезжать, денег не было — и не сразу его узнала, даже когда он со всей силы шлепнул меня по плечу. Восстановив равновесие, я подняла глаза и увидела восторженную морду, не отягощенную ни проблемами, ни интеллектом. Морда хрюкнула, и ее обладатель еще раз стукнул меня по плечу. В этом был он весь. Чрезвычайно несложный товарищ.

— Чего грустишь? — спросил он.

Мне было настолько плохо, что я стала в подробностях рассказывать ему о своих проблемах — хотелось хоть с кем-то поделиться. «Приветчики», мои единственные приятели в течение последних трех лет, меня из-за шефа недолюбливали: их бы, наверное, даже порадовало, что он меня кинул. Обстоятельства заставили унизиться настолько, чтобы плакаться чужому человеку.

— А хахаль твой, что — поматросил и бросил? — подытожил он и заржал.

— В общем, да, — согласилась я. Эта его простота показалась мне спасением от собственных сложностей. Из метро мы вышли вместе.

— Денег, значит, у тебя нет? — сказал мой будущий муж. — Ну, ничего, переезжай ко мне — я хату снимаю. Платить не надо — живи даром, только будешь мне готовить, стирать, убираться, ну и, может, у нас с тобой еще чего-нибудь получится — ты ведь всегда мне нравилась.

Жизнь моя с того момента подчинилась весьма простым Лужниковским подсчетам: это был, образно говоря, «черный нал» и без уплаты налогов. Так я была оценена, и в течение долгих лет соглашалась с такой своей стоимостью.

Я была благодарна своему мужу за то, что он зарабатывал деньги на нашу еду и квартиру, за то, что он даже женился на мне месяцев через пять и согласился с моими беременностями. Но, конечно, я не любила его. Вы спрашиваете, как же я рожала от него детей? Ну, любви для этого, к сожалению, не требуется.

Зарабатывал он поначалу неплохо, но именно с него начались мои семь голодных лет. До этого я работала сама, сама же и тратила — в основном, на внешний вид. Выйдя замуж, я забеременела и работу искать не стала. Не стало и своих денег. Мужнины копились на квартиру — главную голубую мечту того семилетия. Этой мечте подчинялось все в нашей жизни. На колготки приходилось выключивать. Только на питании, по его представлениям, нельзя было

экономить — и дом был полон банок с вареньями и тушенкой. Остальные деньги все время были «в обороте», то есть любые приходящие суммы немедленно вкладывались в новый товар, тут поспевал конец сезона и новый товар зависал месяцев на шесть. Случайные остатки денег шли на закупку вещей для наступившего сезона — и вся история повторялась заново.

«У нас уже крутится столько-то», — гордо сообщал муж время от времени. Сумма росла,росло и количество нереализованного товара. Это стало подозрительным на третий год совместной жизни, но нестерпимое сияние квартирной мечты слепило настолько, что вести подсчеты было невозможно.

Мы жили в однокомнатной съемной квартире, с двумя детьми, без прописки — а ведь, если помните, было время, когда продуктов нельзя было купить без этого штампа в паспорте. Потом по той же причине начались проблемы с садиком, с поликлиникой. Потом начались проблемы и с мужем.

Интересно, что именно в тот момент я поехала домой сделать себе иностранный паспорт (прежний уже был просрочен) — муж пообещал свозить в Китай, там он теперь закупал товар. Вернувшись из Ессентуков, смертельно уставшая за двое суток пути, с двумя своими девочками под мышкой, я обнаружила, что муж мне отныне совершенно чужой. Тот, кто переживал подобное, прекрасно знает и эти внезапные уходы, и эти звонки, и эту жаркую, напористую уклончивость в словах, и постоянную лживость в мелочах. Даже воздух в квартире становится другим — он плотной матовой стеной отделяет членов семьи друг от друга, и вообще, воздуха мало.

Манера разговора по телефону меняется совершенно — при разговоре с НЕЙ слова произносятся особым глухим и невнятным голосом, преобладают междометия и разные несущественные частицы — ни одного сложного предложения.

Потом междометия завоевали и пространство квартиры, с их помощью муж начал общаться со мной постоянно. Иногда я ловила на себе его взгляд — я видела в этом взгляде жалость и ненависть. Но не такой он был человек, чтобы долго носить в своих глазах столь странную, сложную и утонченную смесь. Жалость он стал изгонять. Я терпела, потому что «совместно нажитого имущества» у нас не было, заработанные за эти годы деньги где-то «крутились», и мне здесь в случае развода ничего не светило, даже алиментов.

Я думала — перетерплю, он перебесится, все нормализуется, купим квартиру — тогда хоть будет что разменивать. Иногда от обиды мне казалось, что он специально так себя ведет, чтобы я не выдержала и ушла, а он остался при любовнице и при деньгах. Но я преувеличивала и его подлость, и его богатство. Он был человеком неплохим и некоторую денежную ответственность за нас ощущал. Но вся беда состояла в том, что денег у него действительно не было и окончательных подсчетов «крутившихся» денег он не производил только потому, что боялся главный правды — считать уже было нечего. Накопившийся за годы товар ничего не стоил, конкуренция на рынке образовалась бешеная, работать с мелкими суммами при новых нормах прибыли становилось невыгодно — он начал занимать деньги, а потом просаживать и их.

Он не пил, ничего не покупал ни мне, ни, как я потом узнала, любовнице, он работал с утра до вечера — но ничего не заработал за все эти годы только потому, что не умел хорошо считать. Был обычным дураком.

Мне сейчас кажется, что он и любовницу завел лишь для того, чтобы хоть с кем-то начать с нуля, еще немного продлить состояние лжи, заново рассказать историю о невероятных суммах, которые где-то там «крутятся». Денежного объяснения со мной он боялся больше личного. Пока я страдала по поводу его связи на стороне, он продолжал чувствовать себя мужчиной и длить это блаженное состояние пусть непорядочного, но самца, лишь бы не наступил день ответа за многолетние мечты о квартире, за приценивания к мебели и обоям, плинтусам и стиральной машине, лишь бы не были вытащены на свет божий листочки в клеточку, на которых мы чертили расположение комнат и размещение мебели в детской, чертили, споря до хрипоты.

Это были сладкие моменты, и я была неправа, в обиду своей считая, что он равнодушно и сознательно загубил то скудное счастливое, что у нас было, что он ничего не помнит, обнимая свою тощую любовницу. Он все помнил и все ценил, те моменты были сладки и для него — просто, мужчины умеют прятаться от своих проблем, и неотвратимость конца может быть ими временно предана забвению.

Ничего ужасного, на самом деле, не произошло. В конце концов, оказалось, что у нас нет денег, на которые мы рассчитывали, и если бы мы любили друг друга, то этот год остался бы в летописях нашей семейной жизни как трудный, но не более. Может быть, в глубокой старости мы бы вспоминали о нем и говорили, что никогда не были ближе друг другу, мы бы гордились тем, что все преодолели и теперь у нас есть свой садик, своя веранда и Бог знает, что еще — но для этого, конечно, нужна любовь.

Однажды в мою дверь позвонили. Я открыла дверь и увидела худую блондинку, довольно симпатичную и хорошо одетую. Она очень нервничала, это было видно сразу. Ничто в моем сердце не екнуло, никаких подозрений в голове не возникло. Но она сразу сообщила, что является любовницей моего мужа. Она как бы бравировала своей откровенностью — это от нервов, разумеется.

Я почувствовала облегчение. Я сразу поняла, что сейчас все выяснится — вся правда: обо мне, о нем, о ней, вся правда, которой я еще не знаю. Ведь не пришла же она только за тем, чтобы сообщить, что она у моего мужа есть. Я это и раньше знала, и она знала, что я знаю. Впрочем, я подумала, что дамочка решила свирепо драться за свое счастье с таким богатым мужчиной — вы видите, как неправильно я оценивала ситуацию.

— Я пришла серьезно поговорить с тобой, — сообщила она с порога.

— Ну, Вы хоть пройдите в комнату. — Я старалась говорить с иронией и подчеркнуто на «Вы». Мне очень помогало, что она нервничает.

— Да, пожалуй. — Она процокала в комнату, виляя бедрами, и там на нее сразу свалились две моих дочки, измазанные красками и зеленкой.

— Лучше на кухню, — засмеялась я.

— Вы знаете, — Когда мы уселись на кухне, она почему-то заговорила на «Вы». — Я, конечно, понимаю, что у вас дети, и Вы имеете право бороться за будущее, но методы, извините. И потом — почему я должна страдать от этого материально? Разбирайтесь, я, в конце концов, не навязываюсь, но я сама зарабатываю себе на жизнь, работаю официанткой, это тяжелый труд, и если Вы думаете, что баксы мне под ноги швыряют, Вы ошибаетесь. Деньги мне даются очень нелегко, да и не в этом дело. Даже если бы я была миллионершей, это не дает Вам права.

Она помолчала, словно набираясь сил, и выпалила:

— В общем, вы должны вернуть мне мои деньги!

— Я? — спросила я весело, все еще думая, что она просто нечетко выражает свои мысли.

— Ты! — разозлилась она. — Что ты придуриваешься? Он мне все рассказал. Все деньги держишь в папочкинском бизнесе, думая таким образом, удержать мужика? Ради Бога! Если он такой слюнтяй и боится начать с нуля, пусть терпит! Но эти две штуки, он же тебе сказал, что они не его! Может на тебя с папочкой бандитов нанять?!

Верите или нет, но я сразу все поняла. Ситуация, в которой я жила почти год, перевернулась с ног на голову и оказалась простой, как три рубля. Мой муж плел своей любовнице, что обладает крупным капиталом, но вытащить этот капитал из нашего общего бизнеса не может. Не может и со мной развестись, потому что денег своих в этом случае не получит. Теперь он, видимо, занял у нее две тысячи на «раскрутку», чтобы заработать самому, но просрал и их, а ей сказал, что мы — я и какой-то неведомый «папочка» — снова его обьегорили.

— Кто такой папочка? — спросила я, глядя в пол.

— Твой папочка!

Мой папочка! Благополучно скончавшийся десять лет назад! Из того, что я слышала, напрашивалось сразу несколько выводов, но главный, судьбоносный уже был назван и лежал на поверхности. Если мой муж начал занимать деньги у любовницы, значит, он разорен. Значит, квартиры у нас не будет.

— Он все врал Вам, — сказала я. — Я не имею никакого отношения к его финансам. Я как начала рожать, так вот только остановилась. Мне не до этого было, да и вообще... У нас такие отношения... Какой там общий бизнес! Общими в нашей семье были только дети и мечта о квартире. Я ведь о Вас знала, но все терпела тоже из-за денег. Тех, которых нет.

Она мне не поверила! Даже убогий вид нашей съемной однокомнатной квартиры, где самой новой вещью был магнитофон-мыльница с бегающими фонариками, не убедил ее в том, что претензии безосновательны. У нее была своя мечта, с которой не хотелось расставаться. В кои веки тридцатилетней официантке повстречался богатый мужик, готовый развестись со стервой-женой! Теперь все было для счастья, оставалось убрать последний барьер — меня.

Эта официантка-любовница после моего смелого признания мне немедленно вмазала. Я упала со стула и разбила лицо об угол кухонного шкафа. На шум прибежали дочки, они разревелись, в батарею стала стучать соседка, и официантка покинула поле боя, напоследок швырнув в меня легкой алюминиевой кастрюлей. Попала она в мою младшую дочь. Той, видимо, было не больно, но сам факт был потрясающий.

— Ты мне деньги вернешь! — завизжала соперница уже с лестничной площадки, сверху свесилась голова сумасшедшей коммунистки — это она стучала по батарее — и тоже завизжала что-то свое.

Я скандала не боялась, хозяин этой квартиры был не сумасшедший, но тоже очень доброжелательный человек. Я готовилась достойно встретить мужа. Естественно, я не умылась и дала дочерям нареветься вдоволь — чтобы краснота их носов не проходила до вечера. Вообще-то, муж мог и не прийти ночевать, он уже так делал, но я не из тех, кто верит в случайности.

Правда выяснилась ужасным, грязным и неприличным способом, странно было предположить, что запал этого дня будет потрачен впустую. Поднимающуюся бурю в своей судьбе я всегда чувствовала еще на той стадии, когда слабый ветерок переносит былинку на сантиметр влево.

Я не ошиблась. Муж пришел домой раньше, чем обычно — моя ненависть сработала как гигантский магнит. Он, собственно, забежал переодеться. Собирался «в ночное», к ней. Он стал аккуратен в последний год, тайком покупал себе новые вещи и потом врал мне, что они куплены еще до меня, в Таиланде, на блошином рынке.

Сначала он подумал, что к нам ворвались грабители — на эту мысль его натолкнула валяющаяся на полу посуда (к кастрюле я добавила две сковородки и все ножи). Как и другие Лужниковские, он был очень пуглив — ему все казалось, что его выследили и скоро начнут пытать. Тот факт, что денег не осталось, его не успокоил, а может, даже усугубил страх — он, наверное, представлял, как азербайджанцы, купившиеся на рассказы о его капиталах, ставят ему на живот утюг и все не верят в то, что капиталов никаких нет. «А ты жа-адный, — говорят они в ответ на его крики. — Тебе деньги дороже жи-изни».

— Это из-за денег приходили? — прохрипел он полузадушенно.

— Да, — ответила я, глядя ему в глаза.

— Муса? — совсем шепотом спросил он.

— Муся. — сказала я.

В такие поворотные моменты нужно уметь держать паузу и иронизировать, чтобы не испортить выстроенную судьбой мизансцену. В том, что моя была выстроена судьбой, я не сомневалась.

Я вдруг поняла, а точнее, вспомнила, что никогда этого человека не любила. Пришла к нему от отчаянья, с двумя чемоданами, и потом спала с ним, делая вид, что у нас счастливая

семейная жизнь. Вообще-то, я лгала самой себе, совершенно добровольно, и в этом он был не виноват, но ненависть уже заполнила меня до краев.

— Какой Муся? — У него был вид человека, внезапно съехавшего с катушек.

— Из Израиля, — Наш беседа стала напоминать диалог из абсурдистской пьесы. — Любовница твоя приходила, официантка. Врезала мне, швырнула кастрюлю в Наташку, и сказала, что если я не верну две тысячи долларов, меня вообще убьют. Ты не помнишь, куда я их положила?

Верите ли, но сейчас, когда я вспоминаю события того дня, мне смертельно, до одури жалко своего бывшего мужа. Сам первый вопрос, заданный при виде нас, заплаканных, среди валяющейся посуды, выдал его тогдашнее состояние. Выдал, собственно, в каком аду он жил последний год.

У любовницы, конечно, занял в последнюю очередь. До этого был лучший друг, потом просто друг, потом знакомый под проценты, потом Муса, которого он безумно боялся, но все равно занял. Все это время он исправно приносил деньги на хозяйство, на квартиру, на детские игрушки и оплатил мою поездку в Ессентуки за паспортом. Так что только я оказалась не вовлеченной в сферу его финансовых метаний. Я, правда, страдала по другим причинам, но если бы мне предложили на выбор: прежняя ситуация или новые обстоятельства, я бы выбрала прежнее свое положение — нелюбимой и обеспеченной жены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.